

ИСТОРИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ТРЕТЕЙСКИХ СУДАХ И РЕЗУЛЬТАТЫ РЕФОРМЫ ТРЕТЕЙСКИХ СУДОВ В РОССИИ

А. М. Хусейнов

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова,
Москва, Россия

В статье автор исследует становление законодательства о третейском разбирательстве в Российской Федерации, а также проводит анализ реализуемой в настоящее время реформы третейских судов. Актуальность выбранной темы обусловлена принятием 29 декабря 2015 г. Федерального закона № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации», который положил начало реформированию третейской системы в России. В статье приведены две позиции на результаты проводимой реформы и тезисы критиков и сторонников нового закона. Автор описывает особый путь становления арбитражной системы в России и сопоставляет его с общемировым.

Ключевые слова: третейские суды, постоянно действующие арбитражные учреждения, коммерческие споры, институт саморегулирования гражданского общества, профессиональное третейское сообщество.

LEGISLATION HISTORY ABOUT ARBITRATION COURTS AND RESULTS OF ARBITRATION COURTS' REFORMS IN RUSSIA

Antuan M. Khuseynov

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

The author researches the development of legislation concerning arbitration hearing in the Russian Federation and analyzes the reforms of arbitration courts being carried out at present. Topicality of the subject is envisaged by Federal Law N 382-FZ adopted on 29 December 2015 'About Arbitration (Arbitration Hearing) in the Russian Federation', which started restructuring of the arbitration system in Russia. The article shows two opinions on the results of the reform and ideas of critics and supporters of the new law. The author describes a special way of developing the arbitration system in Russia and compares it with the world one.

Keywords: arbitration courts, arbitration institutions of continuous work, commercial disagreements, institute of self-regulation of civil society, professional arbitration community.

Современные арбитражные (третейские) суды – это очень древний общественно-правовой институт, возникший в далеком прошлом. Исторически имущественные отношения и споры по поводу этих отношений появились одновременно.

Впервые торговые суды возникли в Римской империи как узкоспециальные морские коммерческие суды. Римские торговцы были первыми клиентами этих судов. Они выбирали из своих рядов судей-

консулов, поэтому получили название консульских судов.

Впоследствии торговые суды образовались во многих торговых городах Франции (Авиньон, Арль, Безансон, города Шампани), где проводились городские ярмарки. Судьи назначались советом короля на время проведения ярмарок. Однако решения этих судов имели постоянный характер и не подлежали обжалованию. В дальнейшем по мере развития кооперации специальные торговые суды возникали в Авст-

рии, Англии, Германии, Голландии, Испании, России, США, Швеции и других странах.

Первый постоянный коммерческий суд был образован в ноябре 1563 г. в Париже.

В средневековой Руси об особых судах для торгового сословия впервые упоминается в Уставной грамоте Новгородской церкви Святого Иоанна Предтечи на Опоках 1135 г., изданной новгородским князем Всеволодом Мстиславовичем. В XII в. в Великом Новгороде у купцов и торговцев был выбор обращения как в княжеский суд, который совмещал полномочия современного суда общей юрисдикции и торгового суда, так и торговый суд. Торговый суд делился на два отделения: первое – для рассмотрения споров между русскими купцами, второе – смежный суд для разрешения споров между новгородскими купцами и немецкими ольдерманами. В состав торгового суда входили тысяцкий и пять выборных старост.

Примечательно, что и на Руси, и в государствах Европы необходимость появления специальных судов как нового и более авторитетного и эффективного инструмента разрешения коммерческих споров возникала в тех регионах и городах, где была сильно развита кооперация и торговля как с соседними княжествами, так и с иностранцами. Это стало следствием становления данных регионов как крупных торговых и экономических центров. Однако в дальнейшем развитие торговых судов на территории объединенного Московского государства происходило в рамках системы административных органов. Такими специальными судами для купечества были сначала особый приказ для суда и расправы купецким людям 1667 г., а в дальнейшем городские магистраты, таможенные и словесные суды. Несмотря на то, что купеческие суды входили в систему административных органов, их члены не были профессиональными судьями в современном понимании этого слова, избирались населением из числа торговых людей и

становились на государеву службу лишь по факту своего избрания.

Возрождение забытых традиций и попытка сформировать постоянный специальный суд для купечества принадлежат Петру I (1721 г.), создавшему Главный магистрат, который судил торговые дела.

В период царствования императора Петра Великого высшей судебной инстанцией по обжалованию решений этих судов стал сенат, пришедший на смену Государевой Боярской думе и Расправной Золотой палате.

Предшественниками нынешней системы арбитражных судов были коммерческие суды, учрежденные Именным указом Его Императорского Величества Николаем I от 14.05.1832 года: «По особенному свойству спорных торговых дел», «Об учреждении коммерческих судов и Устава их судопроизводства, дабы оные разрешали все споры и иски по торговым оборотам, по векселям, договорам и обязательствам, словесным и письменным, свойственным торговле, как между частными лицами всех состояний взаимно, так и по искам государственных кредитных установлений на частные лица, и все дела о торговой несостоятельности, к какому бы званию ни принадлежали лица, ввавшие в оную, и хотя бы сии дела были сопряжены с несостоятельностью и в дворянском состоянии того лица».

Вследствие издания Манифеста об отмене крепостного права в 1861 г. изменился правовой статус большей части населения Российской империи. В ходе масштабной судебной реформы 1864 г. расширился субъектный состав сторон коммерческих споров, окончательно законодательно переведя крепостных из объекта спорных, в том числе и торговых, правоотношений в разряд субъектов этих отношений.

Эта судебная система действовала в Российской империи до начала Великой Октябрьской революции 1917 г. Впоследствии Декретом о суде № 1 они были упразднены. Декрет о суде № 2 устанавливал, что судебные иски между разными казенными

учреждениями не допускаются. Вместе с тем стоит отметить, что отсутствие между этими казенными учреждениями экономических и договорных отношений исключает возможность возникновения между ними торговых споров. Логично, что в подобных условиях частные третейские суды в СССР, за исключением Международного коммерческого арбитражного суда, до конца 80-х гг. прошлого столетия фактически перестали существовать. Однако система государственных третейских судов после 1917 г. возродилась, хотя и в искаженной форме: арбитражные комиссии, государственный и ведомственный арбитражи.

В 1975 г. Госарбитраж при Совете Министров СССР утвердил Положение № 121 «О третейском суде для разрешения хозяйственных споров между объединениями, предприятиями, организациями и учреждениями». В 1976 г. этим же органом было утверждено Положение № 136 «Правила рассмотрения хозяйственных споров органами государственного арбитража».

Фактическое возрождение деятельности частных третейских судов произошло в конце 1980-х – начале 1990-х гг., когда стали функционировать товарные биржи. Именно тогда получили распространение третейские оговорки в договорах, заключенных на этих биржах. В 1991–1992 гг. начался новый исторический этап в России, что повлекло изменение всех сторон жизни, и прежде всего экономики.

Рыночная экономика, пришедшая на смену плановой, реабилитировала частную собственность. В общественный оборот вернулись такие основные для третейских судов понятия, как договорные отношения и частная собственность.

Принятие в 2002 г. нового Арбитражного процессуального кодекса и Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации» должно было завершить формирование в стране новой арбитражной системы из государственного арбитража и частных третейских судов. По логике законодателя это должно было при-

вести к появлению у участника коммерческих отношений права выбора из двух равнозначно эффективных институтов. Стоит обратить внимание на то, что отечественная история свидетельствует о практически постоянном параллельном существовании двух видов судебных органов, рассматривающих коммерческие (торговые) споры: специального государственного суда, обособленного от судов общей юрисдикции, и частного третейского суда. Следовательно, при разработке модели арбитражной системы законодатели опирались на богатейший исторический опыт нашей страны. Однако со временем стали проявляться проблемы, выраженные в катастрофической нагрузке на государственный арбитраж, что пагубным образом повлияло на сроки и качество рассматриваемых ими споров. Так, только за 2009 г. в арбитражные суды Российской Федерации поступило 1 563 315 исковых заявлений, а рассмотрено 1 409 503 дел¹.

В свою очередь многие частные третейские суды в связи с отсутствием спроса на их услуги стали фиктивными для системы арбитража в целом и наносили репутационный ущерб другим добросовестным третейским судам. В связи с этим к 2010 г. назрел вопрос о реформировании системы третейских судов в Российской Федерации. 15 декабря 2015 г. был принят новый Федеральный закон № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации», который во многом открывал новую страницу в истории отечественных третейских судов. Однако в какой-то степени жесткий и неоднозначный подход, изложенный в этом законе, породил неоднозначное отношение к нему в третейском сообществе.

С момента возникновения института третейского разбирательства в современной России возникало немало сложных вопросов, решению которых всегда содействовала консолидация третейского сообщества страны. В 1992 г. был принят документ, предоставивший легальную возмож-

¹ URL: <http://www.arbitr.ru/press-centr/news/totals>

ность создания российских арбитражных институтов (постоянно действующих третейских судов) – Временное положение о третейском суде для разрешения экономических споров¹. Однако стоит признать, что столь остро проблемы не стояли никогда. К проблеме затянувшегося формирования проарбитражного подхода в России в ходе третейской реформы добавились вопросы обеспечения доступности арбитража в регионах страны.

В сентябре 2017 г. в журнале «Закон» были опубликованы мнения авторитетных представителей юридического сообщества об итогах третейской реформы². Первое, что отчетливо бросается в глаза при изучении статей ученых о результатах проведения реформы, – не отрицание, а фактически общее признание явного перегиба, допущенного в регулировании института саморегулирования гражданского общества, на который осознанно пошли идеологи третейской реформы, установив неподъемную планку (ограничения) для создания новых арбитражных учреждений во многих регионах России [4]. Но если установленное в законодательстве несоответствие правовой природе арбитража признается почти всеми, в том числе и главными идеологами третейской реформы, то тогда о какой критике реформы в принципе может идти речь?

Другой вопрос: поможет ли жесткий контроль при создании и регулировании арбитража преодолеть негативные моменты, ради которых они установлены? Понятно, что нет, поскольку никакое законодательство, кроме уголовного, не остановит тех, ради кого создавались эти ограничения. Помимо правоохранительных органов недобросовестных лиц, конечно же, может остановить и общественное мнение, если к нему наконец-то захотят прислу-

шаться и откажутся от патерналистского взгляда на мир, о котором справедливо рассуждает О. Ю. Скворцов в своей статье [5. – С. 60].

Конструктивного диалога явно не хватало в момент формирования нового арбитражного законодательства, не хватало его и теперь после фактического завершения третейской реформы. В настоящий момент не может компенсировать это и созданный Минюстом России Совет по совершенствованию третейского разбирательства, который, к сожалению, пока нельзя назвать местом для широких дискуссий, так как формат его деятельности (не менее двух заседаний в год) для этого не подходит, а планируемые к введению возможности для принятия заочных решений Совета скорее наоборот могут этому препятствовать.

Не способствует поиску эффективных решений и фактическая разобщенность третейского сообщества страны, которая, к сожалению, лишь усиливается после реализации третейской реформы. Именно разобщенность третейского сообщества страны позволила исказить правовую природу арбитража в действующем законодательстве.

Что особенно важно на перспективу и о чем сообщил М. Л. Гальперин в своей статье «Третейские итоги», Минюст России совместно с Советом по совершенствованию третейского разбирательства готовит расширенный (ежегодный) публичный отчет о ходе реформы и планах на будущее. В статье М. Л. Гальперин демонстрирует контуры этого доклада [1. – С. 34].

В надежде, что диалог в свете подготовки отчета продолжится, дадим краткие комментарии к вопросам, на которые обращает внимание М. Л. Гальперин в своей статье.

Первый тезис критиков третейской реформы, с которым выражает свое несогласие М. Л. Гальперин, о том, что новеллы регулирования могут уничтожить арбитраж в России. В опровержение этого мнения приводятся фактические данные о

¹ См.: Постановление Верховного Совета Российской Федерации от 24 июня 1992 г. № 3115-1 «Об утверждении Временного положения о третейском суде для разрешения экономических споров» (ред. от 16.11.1997).

² См.: Закон. – 2017. – № 9. – С. 6–101.

числе заявителей (их всего 29 на момент написания статьи), обратившихся в Минюст за получением права на выполнение функций постоянно действующего арбитражного учреждения (ПДАУ).

Вместе с тем, как представляется, данный результат не соотносится с потенциальной базой заявителей, которых могло быть на два порядка больше, а лишь демонстрирует, насколько эффективно работают ограничители региональной третейской активности, компилированные в закон. Их, как известно, невозможно преодолеть во многих регионах страны.

Таким образом, довольно низкая активность обращений связана не с желанием, а с возможностями заявителей, которые закон намеренно ограничил, прежде всего требованиями к рекомендованным спискам арбитров и правилом «трех списков».

Насколько гармонично в региональном сегменте будут выглядеть «третейские будители», остается еще одним вопросом третейской реформы. М. Л. Гальперин отмечает, что нельзя исключить того, что арбитраж в России так и не станет массовым. Как видно, в таких условиях он не сможет стать массовым по определению.

Вкупе с ограничителями сам процесс получения указанного права на выполнение функций ПДАУ имеет настолько расплывчатые контуры (неформальный вид), что регулятор через год сам решил его подкорректировать и готовит изменения в Положение о Совете по совершенствованию третейского разбирательства, которые должны были вступить в действие 1 ноября 2017 г.

Факт, который признает Министерство юстиции Российской Федерации в лице своих представителей, участвовавших в судебном разбирательстве по мотивам третейской реформы, состоит в признании отсутствия четких правил и требований к документам, которые необходимо предоставить для получения права на выполнение функций по администрированию арбитража.

В отношении четкой процедуры предоставления права говорится, что Совет не является органом государственной власти и местного самоуправления, следовательно, деятельность Совета по совершенствованию третейского разбирательства, включая его председателя и секретаря, по рассмотрению документов заявителей и выдаче рекомендаций правительству, не требует разработки административного регламента, опосредующего эти действия.

Что касается требований к документам, которые необходимо представить для получения права, указывается, что содержащийся в письмах Минюста заявителям способ подтверждения десятилетнего опыта арбитров является лишь рекомендацией и одним из возможных вариантов подтверждения соответствующего опыта арбитров. Сохраняется возможность подтверждения наличия у арбитров необходимого опыта разрешения именно гражданско-правовых споров иными способами и в иной форме.

Данные позиции, к сожалению, закрепляют основной принцип в получении права «принеси то, неведомо что», а сама деятельность по предоставлению права, по мнению представителей Минюста России, не должна иметь четких контуров.

Таким образом, убедительность поданных для получения права документов связана не с наличием их определенной формы (письменной или устной), а с волевым решением исполнителя, осуществляющего первичный контроль документов, который определяет, что подходит, а что нет. Такой подход в теории называется волонтаризмом. Волонтаризм (от лат. *voluntas* – воля) – термин, обозначающий концепции или течения, игнорирующие объективные тенденции общественного развития и отводящие решающую роль человеческой воле¹.

Получение права, по сути, является процессом правоприменения, в котором должен участвовать не только Совет по со-

¹ URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/218

вершенствованию третейского разбирательства, но и Правительство Российской Федерации, а не правореализации, т. е. принятия решений (действий) субъектами права, расширяющими свою дееспособность, как это было до принятия новых арбитражных законов. К сожалению, Замоскворецкий районный суд города Москвы поддержал позицию Минюста России о возможности правоприменительной деятельности, связанной с получением права, в отсутствие какой бы то ни было процедурной формы для его получения¹.

Не секрет, что отдельные заявители уже несколько раз получали отказы, которые содержали все новые и новые требования регулятора. И как в таких условиях можно говорить о низкой базе для обращений со стороны арбитражных учреждений?

Следующий тезис идеолога третейской реформы показывает беспочвенность опасений, что арбитражные учреждения останутся только в Москве. В обоснование неверной позиции критиков третейской реформы приводится современная практика создания в регионах страны отделений Международного коммерческого арбитражного суда. Полагаем, что практика создания отделений именно московских ПДАУ не опровергает, а, наоборот, подтверждает тезис об отсутствии в регионах собственных арбитражных институтов.

Встает вопрос: насколько эффективно создавать вместо действовавших ранее региональных арбитражных институтов отделения московских арбитражных центров?

Новый арбитражный закон ориентирует на функционирование «арбитражных бутиков». Будут ли они востребованы в регионах? Ответ на этот вопрос прежде всего связан с размером арбитражных сборов, которые могут стать неподъемными для региональных предпринимателей, что заведет нас в тупик.

С предыдущим вопросом тесно перекликается утверждение М. Л. Гальперина о том, что в арбитраже должны разрешаться крупные дела: корпоративные и трансграничные. С таким утверждением трудно согласиться, поскольку оно выносит за скобки те наиболее важные социальные цели, ради которых существуют институты саморегулирования гражданского общества, нацеленные на урегулирование разногласий между различными субъектами, включая мелкий и средний бизнес.

Вот еще некоторые утверждения М. Л. Гальперина, которые, на наш взгляд, нуждаются в дополнительном осмыслении:

– *арбитражу внутренних споров предстоит сформироваться*. В данном случае игнорируется 25-летний опыт современного российского арбитража в этой области, например, Третейского суда по разрешению экономических споров при ТПП РФ;

– *закон ориентирует на создание отделений ПДАУ, получивших разрешение в Правительстве Российской Федерации, что повысит доверие к ним. Возможны другие формы регионального присутствия ПДАУ*. Закон, скорее, не допускает сотрудничество между юридическими лицами в отношении созданного ПДАУ. Доверие к институтам альтернативного разрешения споров (АРС) формируется в иной плоскости;

– *специалисты из центра будут рассматривать споры в регионах*. Видимо, предполагается, что арбитраж будет осуществляться по видеосвязи либо с реальным присутствием арбитров из центральных регионов. И то и другое ведет к увеличению арбитражных расходов;

– *тарифы в корпоративных третейских судах субсидировали учредители постоянно действующих третейских судов*. Речь идет об арбитражных сборах, которые действительно были эффективными (невысокими) для обращения в корпоративный третейский суд, чем в суд государственный. Не понятно почему в этом видится изъян;

– *Совет по совершенствованию третейского разбирательства – институт саморегулирования гражданского общества*. Поскольку

¹ См.: Решение Замоскворецкого районного суда города Москвы от 11 сентября 2017 г. по делу № 2а-819/2017.

руководство Советом осуществляют представители Минюста России, документы в Совет передают служащие Минюста России со своей рекомендацией, в настоящий момент говорить, что Совет является институтом саморегулирования гражданского общества, можно лишь с большой натяжкой. Кроме того, Совет состоит из подавляющего большинства лиц, напрямую не связанных с третейским разбирательством. Насколько им интересно заниматься развитием арбитража в стране? С учетом расширения числа членов Совета, согласно новой редакции Положения о Совете, до пятидесяти эта тенденция может усилиться;

– *разгрузка судов – долгосрочная задача.* В данном случае поддерживается миф о снижении нагрузки государственных судов за счет обращения сторон в третейские суды. Такого не происходит ни в одном государстве мира. Снизить нагрузки на государственные суды позволяет только реализация в их деятельности подхода «суд со множеством дверей» на основе анализа поступившего дела;

– *государственные суды де-факто используют публичный порядок для пересмотра третейских решений.* Установленная в Законе об арбитраже возможность истребования арбитражных дел из ПДАУ этому только способствует;

– *независимость арбитражного учреждения от учредителя.* Это еще один миф, который намеренно создан для дискредитации специализированных корпоративных третейских судов и который противоречит правовой природе и базовым принципам арбитража;

– *необходимо вернуть арбитражу значение института саморегулирования гражданского*

общества. Мы пока, к сожалению, идем в обратном направлении;

– *третейское сообщество должно само решить свою судьбу.* Эти слова М. Л. Гальперина должны быть поставлены во главу угла при подготовке законопроектов по третейской реформе, а также служить надежным ориентиром для ее эффективной реализации в настоящее время.

Проанализировав все приведенные выше тезисы М. Л. Гальперина, можно сделать неутешительный вывод, что в ходе третейской реформы российское третейское сообщество проиграло. Не учитывая опыт большинства стран Европы, где подобные реформы осуществляются в постоянном диалоге с наиболее крупными и авторитетными представителями профессионального сообщества, наше правительство в очередной раз пошло по историческому пути властных предписаний, игнорируя мнение третейского сообщества. Объективные обстоятельства обязывают правительство России действовать жестко, по крайней мере на данном этапе реформы.

Вместе с тем, несмотря на негативные арбитражные тенденции, теперь уже никто, в том числе и разработчики третейской реформы, не сомневается, что арбитраж является институтом саморегулирования гражданского общества и третейское сообщество в России все же существует, а саморегулирование в поэтапном развитии арбитража в нашей стране может и должно быть использовано. Данное осознание – самый важный результат третейской реформы, позволяющий говорить, что не все так безнадежно.

Список литературы

1. Гальперин М. Л. Третейские итоги // Закон. – 2017. – № 9. – С. 34–40.
2. Зайцев А. И. Третейское судопроизводство России (проблемные аспекты) : дис. ... канд. юр. наук. – Саратов, 2004.
3. Курочкин С. А. Теоретико-правовые основы третейского разбирательства в РФ : дис. ... канд. юр. наук. – Екатеринбург, 2004.

4. О временном характере жестких мер по регистрации постоянно действующих третейских учреждений (со ссылкой на бывших и настоящих руководителей Минюста России – Е. А. Борисенко и М. Л. Гальперина) говорит в своем интервью В. В. Чубаров // Закон. – 2017. – № 9. – С. 8.
5. Скворцов О. Ю. Консервативная модель арбитража // Закон. – 2017. – № 9. – С. 60–64.
6. Скворцов О. Ю. Проблемы третейского разбирательства предпринимательских споров в России : дис. ... канд. юр. наук. – СПб., 2006.

References

1. Gal'perin M. L. Treteyskie itogi [Arbitration Results]. *Zakon* [Law], 2017, No. 9, pp. 34–40. (In Russ.).
2. Zaytcev A. I. Treteyskoe sudoproizvodstvo Rossii (problemnye aspekty). Diss. kand. yur. nauk [Arbitration Proceedings in Russia (Questionable Aspects). PhD legal sci. diss.]. Saratov, 2004. (In Russ.).
3. Kurochkin S. A. Teoretiko-pravovye osnovy treteyskogo razbiratel'stva v RF. Diss. kand. yur. nauk [Theoretical and Legal Principles of Arbitration Hearing in Russia. PhD legal sci. diss.]. Ekaterinburg, 2004. (In Russ.).
4. О временном характере жестких мер по регистрации постоянно действующих третейских учреждений (со ссылкой на бывших и настоящих руководителей Минюста России – Е. А. Борисенко и М. Л. Гальперина) говорит в своем интервью В. В. Чубаров [Temporary Nature of Strict Measures on Registration Arbitration Institutions of Continuous Work (with reference to former and present heads of the Ministry of Justice of Russia – E. A. Borisenko and M. L. Gal'perin) was mentioned in the interview of V. V. Chubarov]. *Zakon* [Law], 2017, No. 9, p. 8. (In Russ.).
5. Skvortcov O. Yu. Konservativnaya model' arbitrazha [Conservative Model of Arbitration]. *Zakon* [Law], 2017, No. 9, pp. 60–64. (In Russ.).
6. Skvortcov O. Yu. Problemy treteyskogo razbiratel'stva predprinimatel'skikh sporov v Rossii. Diss. kand. yur. nauk [Challenges of Arbitration Hearing of Business Disagreements in Russia. PhD legal sci. diss.]. Saint Petersburg, 2006. (In Russ.).

Сведения об авторе

Антуан Махмудович Хусейнов

аспирант кафедры гражданско-правовых дисциплин РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва,
Стремянный пер., д. 36.
E-mail: Tonioo7@yandex.ru

Information about the author

Antuan M. Khuseynov

Post-Graduate Student of the Department
for Civil-Legal Subjects
of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University
of Economics, 36 Stremyanny Lane, Moscow,
117997, Russian Federation.
E-mail: Tonioo7@yandex.ru